

Фантастические миры

Константин КАЛБАЗОВ

The cover features a dramatic scene with a man in a teal trench coat walking towards the right. On the left, a massive, dark, mechanical creature with glowing orange lights and a large gun arm looms. The background is a bright, hazy orange, suggesting a battlefield or a fiery environment. The overall style is a blend of sci-fi and fantasy.

БРОНЕХОДЧИКИ
ГРЕНАДА МОЯ

Константин Георгиевич Калбазов

Бронеходчики. Гренада моя

Серия «Бронеходчики», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39472868

Бронеходчики. Гренада моя: Фантастический роман: Альфа-книга;

Москва; 2018

ISBN 978-5-9922-2776-5

Аннотация

Гений Теслы отбросил человечество в эпоху пара. Но он же стал неодолимой преградой на пути очередной общемировой мясорубки. Прогресс немного сместился и пошел по иному пути. Но великий сын сербского народа оказался не прав. В локальных войнах крови льется ничуть не меньше, а может, и больше. Под грохот и блеск стали на поля сражений выступают шагающие боевые машины. Грозные бронеходы, ведомые в бой отважными пилотами, рыцарями без страха и упрека бурного и стремительного двадцатого века.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	27
Глава 1	27
Глава 2	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Константин Калбазов

Бронеходчики. Гренада моя

Пролог

Сентябрь 1937 года

Скрип и скрежет. Гулкий удар, и опора опустилась на склон горы. Стопа надавила на педаль особым образом, и когти с громким хрустом впились в каменистый грунт. Мгновение, и конечность обрела устойчивость. Перенести вес на нее и сделать еще один шаг, преодолев сразу два с лишним метра. Паровая машина отозвалась тяжким вздохом, насос высокого давления выдал уже давно привычную трель, перегоняя десятки литров масла и нагнетая им гидроцилиндры.

Несмотря на крутой склон, продвижение бронехода к позициям противника не прервалось ни на секунду. Жаль только, что в атаку приходится идти не с Русским добровольческим корпусом, а в составе тринадцатой интербригады. В этих вояк Григорий откровенно не верил. Та еще сборная солянка.

Насколько успел разобраться Азаров, в этих подразделениях больше расстреливают за совершённые и мнимые преступления, чем гибнут на поле боя. Да и в атаку ребята идут

неохотно, не смотри что добровольцы. Мало того, еще и требование выдвинули, чтобы через полгода интернационалисты имели возможность вернуться домой.

Никто не верил, что подавление вспыхнувшего в Испании мятежа затянется на столь долгий срок. А оно вон как вышло. Уже больше года льется кровь, и конца-края этому не видно. Гражданская война – а ничем иным это не могло быть по определению, – она вообще самая жестокая и безжалостная. Уж кто-кто, а русские это знают.

Русских тут более чем достаточно. И отнюдь не только в добровольческом корпусе. Эмигрантов и сочувствующих коммунистам, анархистам и иже с ними свели в две отдельные интербригады. Десятую и одиннадцатую. В общей сложности три с лишним тысячи человек. Вот только Азарову ходу в те части нет. Российских добровольцев и без того зовут беляками и все время лязгают на них зубами. Но терпят. Потому что император Алексей Второй – единственный, кто оказывает реальную и существенную помощь республиканцам.

Григорий, практически не отдавая себе отчета, повел взором по перископическим триплексам, расположившимся перед ним в два ряда, по четыре в каждом. Верхний, передний и боковой обзор, нижний задний и под ногами. Панорама передается посредством линз и зеркал. Точно такая же система, только подвижная и с прицелами. Вот так все просто и в то же время невероятно сложно.

Непривычный человек пришел бы в ужас от подобного обозрения. И уж тем более от осознания того, что вот так, практически вслепую, приходится управлять тридцатипяти-тонной машиной. Хм. Вообще-то он и сам в шоке. И еще месяц назад ни за что в это не поверил бы. Но факт остается фактом. Он пилот бронехода и находится в его боевой рубке.

Мгновенно оценив обстановку, Григорий сделал следующий шаг, начав смещаться немного в сторону, чтобы обойти невысокую скалу. Ничего особенного, всего-то метра два. Но для машины, имеющей пятиметровую высоту, это все же непреодолимое препятствие.

С боков движутся четыре паукообразные машины. Две «Сороки» и парочка «Громобоев». На их корпусах, как гроздь винограда, висят интербригадовцы. В общей сложности два взвода десантников. Им предстоит штурмовать вражеские траншеи под прикрытием боевых машин.

Пора бы ему поотстать. Его роль весьма скромная. Прикрытие на случай появления бронеходов противника. Но согласно разведанным их тут нет. Азаров присутствует в рядах наступающих скорее ради перестраховки.

В Испании линия фронта часто пролегает пусть по невысоким, но все же горам. Хватает и холмов с крутыми склонами. В таких условиях бронетяги попросту бесполезны, потому как не пройдут. Шагающие машины, наоборот, как раз в гористой местности раскрываются наиболее полно. Но они насколько сложны в производстве, настолько же и дороги,

а потому их значительно меньше.

К тому же командование республиканцев организовало отвлекающие удары много южнее. Туда же практически в полном составе перебросили и батальон бронеходов. Это должно было убедить противника, что главный удар наносится именно там, и вынудить его сосредоточить на том участке основные силы.

Словом, бронеходов тут не должно было быть по определению. О том же вещала и разведка. И интербригады не должны были столкнуться с броненосными силами противника. Потому и в прикрытии только один «Крестonosец» – на сегодняшний день крайне сомнительная боевая единица.

Двухместная машина, управляемая всего одним пилотом, с наскоку переделанными органами управления, особо надежной не казалась. Как и сам пилот, по сути, желторотый юнец, пусть и успевший уже отличиться в недавнем наступлении добровольческого корпуса.

А вот и привет от противника. Застрекотали пулеметы, затрещали винтовочные выстрелы. Артиллерии ж и минометов тут попросту нет. В смысле именно на этом участке. Направление даже для атаки бронеходов достаточно неудачное. Батарея бронебоек находится значительно правее. Потому и атаку организовали именно здесь.

До позиций франкистов не больше полутора сотен метров. Но националисты продолжают вести огонь из стрелкового оружия. Учитывая отсутствие бронебойных средств,

это делает им честь. Но палить из винтовок по броне – идея не из лучших. Даже если их цель – десант, укрывшийся за броневыми щитами и башнями шагающих машин.

А вот если они подпустят бронеходы вплотную... Неиспугавшаяся и незапаниковавшая пехота для бронированного монстра может быть очень опасна. К примеру, прикрепленная к сочленению магнитная мина вполне способна повредить сустав. В результате многотонная махина упадет, превратившись в груды бесполезного металла. Конечно, тут нужно извернуться и очень постараться. Но это вполне возможно.

Правда, с паукообразной машиной все же придется повожиться. Этим отличается куда большая устойчивость. Но зато и броня гораздо скромнее. Подбрось мину к днищу – и экипажу не поздоровится.

Григорий окинул взглядом панораму, осматривая подступы к машине. Впрочем, мертвых пространств хватало. Ведь в обычной обстановке ближние подступы к машине контролирует механик-водитель. Конечно, в его случае органы управления и наблюдения выведены к пилоту. Но невозможно насыщать пространство перед ним до бесконечности. Вот и получается, что и без того не столь уж хороший обзор стал еще хуже.

Воспользовался прицелом пулемета, расположенного в полукруглой башенке в нижней части торса. Угол обзора панорамы, конечно, уже, зато пулемет поворачивается на три-

ста шестьдесят градусов. Мертвые пространства по-прежнему есть, но их меньше.

Убедившись в отсутствии ближайшей опасности, Азаров остановился, придав корпусу бронехода вертикальное положение. Иначе нормально не прицелиться. Блоки реактивных снарядов – это не пушки, и с точностью у них не очень хорошо. Одновременно с этим дернул за ручки тросиков взведения курков. Затем перехватил манипуляторы, вперив взор в панораму прицела, навелся на амбразуру с пулеметом и нажал на спусковой рычаг.

Из каждого блока сорвалось по одной ракете. Оставляя за собой дымный шлейф, они с громким шелестом устремились к цели. Рвануло в непосредственной близости от дзота. Даже если пулеметчиков не контузило, то испугало изрядно. Когда рядом взрывается семьсот граммов тротила, это не может не впечатлить.

Так, сериями по две ракеты, обработал еще две огневые точки и прошелся по траншее, заставляя стрелков убраться с бруствера. «Сороки» и «Громобои» огласили округу пулеметной трелью, поливая пространство перед собой смертоносным свинцом. Оба варианта вооружены блоками с реактивными снарядами, но палить из них с десантом на борту – не самая удачная мысль.

Вести стрельбу из пушек не с руки. Они на «Громобоях» полноразмерные, в семьдесят шесть миллиметров. Для выстрела необходима остановка и устойчивое положение.

Именно по этой причине его «Крестоносец», хотя и весит на пятнадцать тонн больше, вооружен лишь пятидесятимиллиметровой пушкой. Русские шагающие машины при той же массе имеют пятидесятисемимиллиметровую. Но тут причина скорее в том, что немецкий стандарт артиллерии несколько отличается, а характеристики орудий практически схожие.

Кстати. Пора двигаться. Пауки, как по-простому называли семейство многоногих боевых машин, уже практически у бруствера и своим огнем загнали солдат мятежников на дно траншей. Не всех. Справа опять заговорил умолкший было пулемет. Башня одной из «Сорок» с крупнокалиберным пулеметом довернула в нужном направлении. «Ду-ду-ду!» – думкнула короткая очередь на три патрона.

Однозначно башнер – дока в своем деле. Григорий краем глаза заметил рядом с амбразурой два фонтанчика земли и брызнувшую щепу от окаймляющего ее бревна. Пуля влетела вовнутрь. Без вариантов. Калибр четырнадцать с половиной миллиметров такой преградой не остановить. Если же случилось попадание в тело, то энергии там более чем достаточно, чтобы оторвать к ляду конечности или разорвать тело в клочья. Доводилось Григорию видеть таких бедолаг. Не смотри, что ему только двадцать. Успел повоевать.

Пока достиг окопов, десант уже покинул броню и под прикрытием двух «Сорок» двинулся в стороны, подчищая траншеи от противника. Хм. Думал, показалось, что цепь стрел-

ков редкая. Ан нет. И впрямь позиции полупустые. А еще один из убитых вроде как прикован. Да нет, конечно же показалось. Рассматривать некогда, перешагнул через траншею и пошел дальше вверх по склону.

Глянул в триплексы заднего обзора. Ага. А вон и атакующие цепи остальной бригады. Решили воспользоваться тем, что позиции уже практически зачищены. Оттого изначально в атаку и отправили всего одну роту. Незачем лишний раз рисковать, коль скоро можно обойтись без потерь. Это, пожалуй, для интербригад определяющее. Добровольцы сюда приехали, чтобы сражаться за свободу, равенство и братство, а не ради героической гибели.

С другой стороны, воевать, заваливая противника пушечным мясом, – сомнительная тактика. После Великой и Гражданской войн в армии Российской империи серьезно пересмотрели концепцию ведения боевых действий. Как там у Вольтера? Господь помогает не большим батальонам, а тем, кто лучше стреляет? Вот именно этого и придерживается император Алексей Второй. Но все же до маразма не доводят и посылать солдатиков в атаку не стесняются. Стараются не заступать за определенную грань, это да. Хотя поди еще разбери, где она проходит.

До гребня добрался одновременно с «Громобоями». Те сразу же двинулись во фланги, подчищая возможных защитников, если те им встретятся. Пока же шестиногие машины просто двигались вперед, проверяя захваченные позиции.

Интересно, так оно и должно быть или он чего-то не понимает?

Плевать. Первая линия обороны взята, и план командования, каким бы странным он ни казался Григорию, осуществлялся пока без сучка без задоринки. Сейчас части тринадцатой интербригады закрепятся на гребне. Подтянутся корректировщики. Установят связь с батареями. И начнется вторая фаза.

Франкисты вдумчиво подошли к обороне Сигуэнсы. Признаться, так себе городок. Небольшой, с узкими кривыми улицами и населением меньше пяти тысяч. Никакого промышленного производства. Разве что в здешних теснинах невысоких гор проходит железная дорога, ведущая прямоком на Сарагосу.

Именно туда были переброшены части итальянского экспедиционного корпуса после поражения под Гвадалахарой. Франкисты и итальянские интервенты теперь планировали сокрушить Восточный фронт республиканцев, полностью овладев Арагоном и Каталонией.

Укрепрайон же у Сигуэнсы запирает железную дорогу. Случись республиканцам прорваться на этом участке, и они не просто получат возможность ударить в тыл итальянцам, но и окружить значительные его части. В результате франкисты будут вынуждены оставить удерживаемую ими половину Арагона. А это уже меньше сотни километров до Страны басков, где продолжают держаться республиканцы, обра-

зовав Северный фронт.

Словом, националисты недаром вгрызались в эти горы. И взятие первой линии обороны пока еще ни о чем не говорит. В качестве второй выступает отдельно стоящая гора Одинокая¹, на склонах которой расположился мощный укрепрайон. Да, там в основе своей полевые и деревоземляные укрепления. Но выполнено все с тщанием, какового в первой линии не наблюдается. Гарнизон может вести боевые действия, находясь в полном окружении. Пушек и минометов хватает. Вот так в одночасье этот орешек не разгрызешь. А пока будешь разбираться, противник успеет что-нибудь удумать.

По замыслу командования республиканцев, после захвата линии обороны и выдвижения корректировщиков на Одинокую обрушится огонь осадной артиллерии. А это не только стотридцати- и стопятидесятимиллиметровые орудия бронепоездов «Республиканец» и «Интернационалист», но и двухсоттрехмиллиметровые «Мадриды» и «Гвадалахары».

Девять восьмидюймовых орудий предназначались для недостроенного крейсера и пылились на складах адмиралтейства. Их извлекли на свет божий, установили на усиленные железнодорожные платформы. Работы велись круглосуточно целый месяц и в строжайшей тайне. Два новых бронепоезда прибыли за сутки до начала операции.

Несмотря на ограниченность сектора вдоль железнодо-

¹ Название вымышленное. – Здесь и далее примеч. авт.

рожного полотна и дополнительные упоры платформ, орудия могли вести огонь лишь поочередно. Но со скорострельностью двух выстрелов за три минуты и весомым морским калибром это не критично. При работе обоих бронепоездов непрерывный обстрел позиций огромными чемаданами был гарантирован. Оставалось обеспечить наведение этих монстров, и они попросту сметут все, что окажется не только на их пути, но и рядом.

Едва начнется обстрел Одинокой, в прорыв введут сразу несколько интербригад, уже находившихся в районах сосредоточения близ линии фронта. Затем захват горы, развитие наступления на Сигуэнсу и окончательный прорыв фронта с фланговыми ударами, котлами и продвижением на восток, к Сарагосе. А далее – обрушение фронта националистов, разгром их значительных сил, освобождение обширной области Испании.

Это поднимет несколько подмоченный авторитет левых партий. А главное, продемонстрирует Франции возможности Народного фронта, где они лидировали. Что ни говори, а коммунисты, анархисты, эсеры и идиш с ними склонялись к сотрудничеству именно с французами, а не с русскими.

Разумеется, Григорию известна лишь часть задуманного. Мало того, даже то, что ему положено знать для четкого выполнения задания, до него довели непосредственно после поднятия по тревоге. С капитаном Ермиловым они были знакомы и раньше, все же служили в одном батальоне.

Но о том, что им предстоит действовать вместе, услышали за пару часов до начала, когда весь батальон, погрузившись на тралы, укатил на юг, а они двинулись своим ходом к линии фронта.

Ничего удивительного, учитывая то простое обстоятельство, что они для интернационалистов – золотопогонники и слуги самодержавия. Вот никому не интересно, что от самодержца в русском императоре сегодня осталось не так уж и много. Царь на престоле, революцию задушили, и этим все сказано. Но и обойтись без русских офицеров не получалось. Подавляющее большинство испанских военных специалистов, кроме летчиков и моряков, ушли к Франко.

Непосредственно на гребень Азаров выходить не стал. Предпочел остановиться на подступах. Так, чтобы над урезом возвышался только выдвинутый перископ. Расстояние до Одинокой – более двух километров, и никакой бронебойке не управиться даже с противопульной броней «Сорок». Но для фугасов калибра в полтора метра миллиметров это не имеет значения. Такой снаряд, взорвавшийся даже в непосредственной близости от «Крестоносца», способен доставить массу проблем.

Между прочим, пока еще ничего не закончилось. Едва франкисты осознают, что на гребне обосновались республиканцы, как позиции начнет обрабатывать их артиллерия. Хорошо хоть бронепоезд «Кастилия» с его шестью стопятидесятимиллиметровыми орудиями сейчас не в городе. Во вся-

ком случае, именно такие сведения поступили от разведки.

Правда, батарея на горе Одинокой не уступит. Но, во-первых, шесть орудий – это не двенадцать. А во-вторых, их очень быстро заставят замолчать «Мадрид» и «Гвадалахара».

На флажковом семафоре «Громобоя», к которому был прикомандирован Григорий, нет никакого сигнала. Значит, нужно действовать строго по плану. То есть ждать. Ну что ж, он обождет. Его задача – прикрытие на случай появления бронеходов противника, что, как уже говорилось, сомнительно.

Хм. Странно. Отчего же молчит Одинокая? Ну не могут же они вот так просто наблюдать за тем, как по позициям расхаживают две машины противника? Конечно, попасть из гаубицы – та еще задачка. Но ведь точность компенсируется зарядом взрывчатки. Шутка сказать, более пяти кило тротила. Но нет. Молчат.

Резкий и отрывистый пушечный выстрел прозвучал как-то внезапно. И практически сразу – звонкий и одновременно глухой удар по броне. Нет, не по его. Но он его все же различил вполне отчетливо, потому что задрал вверх клапаны шлемофона. Григорий даже вздрогнул от неожиданности и бросил взгляд в сторону командирского «Громобоя».

Тот разом просел на тут же ставших безвольными опорах, словно ему подрезали сухожилия. Не иначе снаряд угодил в масляный насос, магистраль или бак. Скорее все же послед-

нее, потому что машина начала быстро окутываться черным дымом.

Ч-черт!

Григорий слегка встревожился. По идее, экипаж отделен от машинного отделения герметичной переборкой. Но кто знает, как там все могло быть. К тому же, пусть машины и входят в состав интернациональной броненосной бригады, основу экипажей составляют русские. Офицеры же все без исключения – свои братья-павловцы. Бронеходчика вот так, наспех, за полгода не подготовишь. И здесь они могут быть только из России.

Люки «Громобоя» откинулись, и наружу полез экипаж. Все пятеро. Ну слава богу. Уцелели. Командир взвода, капитан Ермилов, подал Григорию знак отходить. С чего бы это? Что такого он увидел за урезом? И вообще, кто это его так?

Вспомнил, что выстрелов было несколько. Спыхватился, глянул на вторую машину. Той тоже досталось. Но она уже ушла с гребня на обратный скат. Правда, при этом нещадно парила. Похоже, разворотили котел. Это агония. Надолго машины не хватит. Так и есть. «Громобой» лег на брюхо, высоко задрав сочленения шести ног. Откинулись люки, и экипаж стал выбираться. Вот как оно все весело бывает.

Слева рвануло. По броне гулко ударил то ли кусок какой-то железяки, то ли камень. Азаров тут же пожалел о том, что задрал клапаны шлемофона. Уши беречь надо. Взгляд в сторону командирской машины. Ясно. Уходя, заложили в

боекомплект подрывной заряд. Чтобы бронеход не достался противнику. Вскоре рванет и второй бедолага. Григорий поспешил прикрыть уши. Вовремя. Полыхнуло. На этот раз до него долетели только мелкие камни и комья земли.

И тут начался форменный ад. По атакующим цепям интербригадовцев ударили из крупного калибра. Но как?! С Одинокой гаубицами не достать. Здесь мертвая зона. Потому и наметили атаку именно на данном участке. Бронепоезда националистов ушли. Но вот этот обстрел могла вести только «Кастилия» с северной окраины города. Больше подобного калибра здесь попросту нет.

Вперемешку с высоченными султанами земли появились довольно крупные пыльные клубы. Именно так рвутся мины. И судя по разрывам, калибр – минимум сто миллиметров. Бред! На Одинокой нет минометов, способных забросить го-стинец на дистанцию более трех километров.

Гаубицы и минометы на глазах Азарова буквально перемешивали интернационалистов. Большинство залегли, вжимаясь в землю. Но нашлись и те, кто решил спастись бегством. Идиоты! Кто же бежит под плотным минометным огнем! Этих выкосило подчистую. Остальные рассредоточились по ничейной земле.

Два оставшихся бронехода поспешно уходили из-под обстрела, неся на броне десант. Тех, кто успел погрузиться и кому нашлось место. Командиры машин, не имея возможности уберечь десант от вездесущих осколков, стремились как

можно быстрее вывести «Сорок» из-под накрытия батареи.

Григорий наблюдал это, пятясь назад и сосредоточив основное внимание на урезе горы. Он ни на секунду не забывал о подбитых «Громобоях». Работу бронбойки узнать не так чтобы и сложно. А значит, на обратном скате либо находится бронбойная батарея, либо бронеходы. Бронетягам там делать попросту нечего. Им не одолеть такой склон.

Азаров исходил из худшего. А потому ожидал столкновения именно с бронеходами. Вообще-то, у него была возможность уйти. Вот прямо сейчас развернуть «Крестоносца» и со всех ног помчаться прочь, как минимум разрывая дистанцию между собой и гребнем, откуда должен появиться противник. И если Григорий успеет отдалиться на пять сотен метров, то достать его броню даже из пятидесятимиллиметровой пушки будет проблематично.

Однако уходить, пока бригада лежит в чистом поле, он не собирался. Да один. Но ведь у него приказ прикрывать наступление от вероятного появления бронеходов противника. Верили в это слабо. К тому же основная ударная сила в виде «Громобоев» приказала долго жить. Отступи он сейчас – и никто его не осудит. Но... Вот не было у него таких мыслей. Совершенно.

Ч-черт! Не думай о плохом, оно и не случится. Проклятье! Два «Крестоносца» появились над урезом гребня практически одновременно. Интервал между ними – метров триста, и в этом разрыве вполне могут появиться и другие машины.

Неужели полный взвод?!

Вновь проклиная себя за дурные мысли, притягивающие неприятности, Григорий навел пушку, выполняющую роль левой руки, и нажал на гашетку. Резко рывкнул выстрел. К противнику, до которого от силы полтора метра, устремился трассер бронебойного снаряда. Но угол для пробития совсем уж неприемлем. Росчерк ткнулся в грудную пластину и, срикошетив, устремился куда-то ввысь.

Будь на месте «Крестonosца» противника бронетяг, и его орудие сейчас задралось бы вверх, не в силах поразить машину Азарова, находящегося значительно ниже. Бронеход такого недостатка лишен напрочь. Франкист быстро навелся на Григория, и точно такое же орудие рывкнуло в ответ. Но подпоручик успел уклониться, пропуская трассер мимо себя.

Удивительно, как Азаров успел еще это рассмотреть. В настоящий момент он был занят решением сразу нескольких задач. Видимо, сказывается тщательная, вдумчивая подготовка в военном училище и полученный боевой опыт.

За пару месяцев, проведенных на этой войне, он успел пройти через горнило боев. Пусть там и сходились бронетяги. Довелось ему побывать и под артобстрелом, и с карабином по полю побегать, и почувствовать грохот калибра по броне. Такой опыт по-разному влияет на людей. Одни начинают бояться еще больше. Другие становятся осторожными, что не имеет ничего общего со страхом. Третьи свыкаются с

постоянной опасностью и даже бравируют своим презрением к смерти. Последние гибнут гораздо чаще остальных.

Григорий относился ко второй категории. А потому и головы не терял, контролируя окружающую обстановку. А еще его внимание акцентировалось на особо угрожающих моментах. Что происходило уже на рефлексах, помимо разума.

Быстро работая педалями, он развернул бронеход и двинулся вдоль фронта на максимально возможной скорости. В то время как опоры повернуты боком, грудь обращена к противнику. Непростой маневр, требующий, без преувеличения, полного единения с бронеходом. Но Григорий буквально бредил шагающими машинами, а потому был с ними на «ты».

Одновременно с этим взвел курки шести труб левого блока реактивных снарядов и запустил их в стрелявшего по нему противника. Сомнительно, что удастся попасть. Но зато дымный шлейф ракет даст хоть какую-то маскировку. Разрывы поднимут пыль, что также перекроет обзор вражескому пилоту. Наконец, никогда нельзя исключать его величество случай. Попади снаряд в машину – и контузия экипажу гарантирована.

Впрочем, в Григория стрелял уже и второй. Ему даже удалось добиться попадания. Снаряд ударил в грудную пластину, высекая искры, с жутким грохотом и воем уходя в рикошет. В душе пронеслась волна страха, а тело покрыла холодная испарина. Участвуй в этом процессе разум, пилот непре-

менно сбился бы с шага. Но он действовал на одних рефлексах. А потому ноги продолжали работать педалями, вынуждая двигаться массивные бронированные опоры машины.

Вслед за реактивными снарядами полетели три дымовых шашки. Схватку сразу с двумя противниками ему не потянуть. А значит, нужно их разделить. Хоть на десяток секунд, но непременно. И в первую очередь нужно выводить из боя самого опасного, каковым он посчитал правого противника, с которым сейчас шел на сближение.

Азаров вырвался из облака стартовавших ракет, прикрывшись от левого «Крестonosца» дымовой завесой. Правый вновь открыл по нему огонь. И пусть на этот раз не добился ни одного попадания, три трассера пронеслись в непосредственной близости. А потом он скрылся в клубях дыма от второй серии шашек, запущенных уже в его сторону.

Следом подпоручик пустил еще одну серию реактивных снарядов, стреляя скорее навскидку, чем прицельно. Это оружие и без того не отличается точностью, а уж в ситуации, когда огонь ведется на ходу... Азаров различил только два разрыва. Остальные четыре снаряда наверняка ушли над кромкой и рванут где-то вдаль, на обратном скате.

Франкист не стал выжидать, когда республиканец появится из клубов дыма. Отдавать инициативу в руки противника – глупость несусветная. Григорий был уже в трех десятках метров от молочной пелены, когда из нее появился «Крестonosец» противника.

Они заметили друг друга практически одновременно. Тут не нужен точный прицел. Для пушки – это огонь в упор. Даже шестидесятипятимиллиметровая броня «Крестоносца» не выстоит против такого удара. Главное, навести орудие в нужном направлении – и попадание будет. А тут все решает реакция пилота и градусы, на которые необходимо повернуть оружие.

Б-банг!!! Григорий на секунду, но все же оказался быстрее. Из-за выстрела он не расслышал удара своего снаряда о броню противника. Расстояние было столь мало, что ему не удалось рассмотреть даже росчерк трассера. Обзор застило пламя из дульного тормоза. Вот и все.

Секунда. Казенник заглотил следующий снаряд. Азаров нажал на спусковой рычаг, лишь вдогонку осознавая, что первый выстрел достиг-таки цели. Во втором, также ударившем в грудную пластину, попросту не было смысла. Экипаж однозначно погиб, а пилота так и вовсе разорвало в клочья. Ну разве что повторным ударом потерявшую управление машину начало заваливать на спину.

Не успел он порадоваться своей победе, как броня вновь отозвалась глухим звоном очередного рикошета. Уже можно и привыкнуть, однако его опять пробил холодный пот. На этот раз брови не сумели справиться с обильным потоком, и соленая влага добралась до глаз. Пришлось выпустить правый манипулятор и утереться.

При этом ноги продолжали жить собственной жизнью.

Его «Крестonosец» перемещался, удерживая дистанцию с появившимся из дыма левым противником. Порядка сотни метров. Может, чуть больше. Для бронебойки – пустяк. Если повезет и снаряд не угодит в броню под слишком острым углом. Хм. А ведь ему-то как раз повезло. И не в первый раз.

Григорий открыл ответный огонь. Два попадания. И оба раза снаряды так же ушли в рикошет. В отличие от бронетягов, бронеходы отличает подвижность, постоянная смена положения корпуса и, как следствие, углов наклона броневых листов. А еще с ними непросто взять упреждение. Машины движутся рывками и могут перемещаться в самых неожиданных направлениях. Эдакий огромный стальной человек, раскачивающийся как маятник.

Отчаявшись попасть из пушки, франкист запустил в Григория серию реактивных снарядов. Цели достиг всего один. Никаких шансов пробить броню. Их предназначение в авиации – поражение самолетов противника, на бронеходах – обстрел живой силы. Но такое попадание по определению не может пройти бесследно.

Азарова заметно оглушило. Клапаны шлемофона помогли слабо. А еще приложило затылком о заднюю стенку рубки. Но тут уж головной убор отработал на ять. Хотя и не сказать, что все прошло бесследно. В глазах заплясали радужные круги.

Но все это мелочи. Куда важнее то, что он вдруг ощутил, как машина заваливается на бок. Григорий успел выставить

ногу в самый последний момент, опустив бронеход на колесо. И тут же получил удар в выставленный наколенный щиток. Снаряд прошел его насквозь, оставив за собой вывороченный металл. Пролетел над сочленением и, в значительной степени утратив силу, ткнулся в грудную пластину, где и взорвался. Заряд в сравнении с реактивным снарядом несерьезный, но, наложившись на старые дрожжи, вызвал в голове болезненный спазм.

Думать о своих ощущениях сейчас попросту некогда. Одновременно с попытками удержать машину в равновесии Григорий с отчаянной решимостью старался взять на прицел противника. Франкисту на перезарядку нужна секунда. На поправку в прицеле – еще как минимум одна.

Б-банг!

Григорию понадобилось меньше. Снаряду, вылетающему из ствола со скоростью тысяча метров в секунду, – и вовсе краткий миг. Второй снаряд Григорий вколачивал в уже падающую машину. На добивание. Так, чтобы с гарантией.

Поднялся на ноги и тут же почувствовал, что правая слушается плохо. Не распрямляется полностью, отчего стальной гигант начал заметно хромать.

– Твою мать, в перехлест через плетень!

А что ему еще оставалось делать, как не разразиться трехэтажным загибом? Над урезом горы один за другим появились сразу четыре «Тарантула» – германский аналог русского «Громобоя». Они вооружены семидесятипятимиллимет-

ровыми короткоствольными пушками, меньшая отдача которых позволяет вести огонь на ходу.

Есть и хорошая новость. С бронепробиваемостью у них обстоит похуже. Но зато в их арсенале имеются фугасы с восьмьюстами граммами тротила. Промелькнувшая мысль о возможном попадании такого снаряда непроизвольно заставила поморщиться. Но это мелочи. Куда хуже то, что в четыре ствола они его разберут на части. А тут еще и нога едва слушается. Ох, не было печали...

Часть первая

Июнь 1935 года

Глава 1

Девочка с характером

– Мама! Мамочка! Мамуля!

Девчушка утерла слезы, размазав гарь и пыль по зареванному чумазому лицу. На вид не больше тринадцати, хотя на самом деле уже исполнилось пятнадцать. Росточка невеликого, худенькая, грудь едва начала приобретать рельефность. В то время как ее одноклассницы-гимназистки в большинстве своем уже выделялись статями. Даже оставшееся меньшинство уже будоражило воображение мальчиков привлекательными холмиками, проступающими под формой, чего никак не сказать о ней. И без того чумазое личико язык не поворачивался назвать привлекательным. С острым подбородком и широким тонкогубым ртом, сейчас искривленным рыданием. Голосок вроде и тонкий, но в то же время с легкой хрипотцой. На любителя особа, что тут еще сказать.

– Дочка, иди ко мне, – позвал сильный мужской голос, явственно проталкивающийся сквозь твердый ком в горле.

Ее здесь не должно было быть. Он строго-настрого при-

казал жене сидеть в блиндаже и оказывать помощь раненым. Но она не выдержала. Услышав призыв раненого, подхватила санитарную сумку и побежала по траншее в поисках страдальца. Ирина, как и подавляющее большинство жен офицеров, окончила курсы санинструкторов. Мало того, не боялась крови.

Раненые пограничники на границе Дальнего Востока – во все не редкость. Провокации со стороны японцев, настроенных против России китайцев и хунхузов. Частые перестрелки с нарушителями и контрабандистами. Словом, кровь пограничников лилась здесь не так чтобы и редко. Дробышев служил в этих краях уже восемнадцать лет. И большую часть времени на заставе.

– Господин подполковник, простите меня бога ради! Девочка, прости! – Раненый пограничник рванул на себе бинты с явным намерением сорвать их.

– Отставить, рядовой! – рявкнул Дробышев, прижимая к груди дочку и разом проглотив ком в горле. – Она умерла, чтобы ты жил. И попробуй только не выживи.

Ирина успела его перевязать и вколоть морфин, который уже начал действовать. Ничем иным его относительно приемлемое состояние не объяснить. Он должен был сильно кричать от нестерпимой боли, чтобы жена услышала его из блиндажа и поспешила на помощь. Когда же начал нарастать свист падающей мины, санитарка накрыла раненого своим телом. Пятидесятимиллиметровая оперенная смерть удари-

ла в стенку окопа в непосредственной близости от нее, буквально наштапиговав тело стальными осколками.

– Старшина!

– Я, господин подполковник, – тут же отозвался дюжий старшина заставы.

– Раненого в блиндаж. Тело супруги моей... – Голос вновь дрогнул. – Приберите его.

– Я сам все сделаю, – виноватым голосом отозвался ординарец.

Матвеев призвался в пограничные войска двенадцать лет назад. И все эти годы служил бок о бок с Дробышевым, будучи его неизменным ординарцем. Их уже и сослуживцами-то назвать сложно. Поликарп давно считался членом семьи. Хотя, положив руку на сердце, тридцатидвухлетнему мужику давно уже следовало обзавестись своей. Но вот прикипел, и никуда.

– За Алиной присмотри, – отрицательно покачав головой, приказал убитый горем муж и отец. – Старшина!

– Все сделаю, господин подполковник! – тут же отозвался сверхсрочнослужащий.

Иным звания младшего комсостава у пограничников не получить. Это в армии есть сержантские школы, где обучаются проходящие службу по призыву. У тех, кто стережет рубежи империи, все иначе. Абы кому людей и охрану границы не доверят. Тут ведь порой приходится принимать решения, последствия которых потом расхлебывает целая ку-

ча народу, до самого Петрограда.

– Благодарю, братец.

Кивнув старшине, подполковник решительно отвернулся и зашагал в сторону штабного блиндажа. У него сейчас хватает забот. Пусть и не он командует заставой, но самоустраниться, взвалив все на капитана Иноземцева, не может. И дернул его черт приехать на проверку вместе с женой и дочерью.

Ничто не предвещало беды. Подполковник Дробышев как заместитель начальника пограничного управления выехал с инспекцией на одну из застав, где начальствовал капитан Иноземцев. Тот в свое время, едва окончив училище, служил под командованием Дробышева. Молодой подпоручик многому научился у старшего наставника. А когда через пару лет женился, то уже его супруга прошла школу офицерской жены у Ирины Викторовны. Вот так и вышло, что они сдружились.

Конечно, на границе случалось разное. И вооруженные провокации в том числе. Япония чувствовала поддержку со стороны той же Германии, а потому не особо боялась задирать русских. Если те и начнут воевать, то смогут воспользоваться только обычным вооружением. Ни одна из установок Теслы не извергнет чистую, незамутненную и всепоглощающую первозданную энергию. За этим строго следят страны «Большой пятерки», являющиеся постоянными членами совета безопасности Лиги Наций, созданной после Великой

войны.

Но столкновения случались не постоянно. Между провокациями обычно проходит минимум месяц. В районе же заставы Иноземцева очередной конфликт, с перестрелкой японского и российского пограничных нарядов, случился буквально неделю назад.

Даже война – это не только смерть, но и жизнь. Просто нужно понять ее правила. Можно не принимать, но придерживаться их. У них тут не война, но и далеко не мир. Ну вот такая жизнь у тех, кто стоит на защите рубежей родины.

И тех, кто обитает в подобной среде, не испугать свистящими пулями или недалекими разрывами. Это относится не только к взрослым, но и к детям. Пусть Алина еще ни разу не стреляла по противнику, насмотреться успела всякого. Далеко не все офицеры, не то что рядовые российской армии, могут похвастаться таким опытом, как у нее.

Однако в этот раз случилось так, что японцы вновь устроили военную провокацию. И кто знает, очень может быть, что она перерастет в большой конфликт. Основательно навредить России японцы не смогут. Да и не осмелятся. Потому как если дело дойдет до открытого противостояния... Но зато могут постоянно доставлять неудобства, теревить, дергать своего соседа, оказывающего военную помощь как Китаю, так и Монголии.

Последнюю Российская империя прикрывает в том числе своими войсками. Содержит на ее территории армейский

корпус. Весьма серьезно, учитывая то обстоятельство, что численность боевых частей, за вычетом пограничных и иррегулярных² войск, составляет всего лишь пятьсот тысяч человек. Никакого сравнения с прежней полуторамиллионной армией его императорского величества Николая Второго. У сегодняшнего государя аппетиты куда скромнее.

– Алина Владимировна, вы уж простите. Вот, возьмите, это матушки вашей.

Девочка подняла глаза на вошедшего в блиндаж давешнего старшину, который протягивал ей небольшой вороненый пистолет в кобуре желтой кожи. Вальтер относительно недавно появился на гражданском рынке и уже успел завоевать любовь слабого пола, серьезно потеснив браунинг, бесспорного прежнего лидера. Немец выпускался под три типа боеприпасов, и вот этот – как раз под патрон браунинга калибра шесть целых тридцать пять сотых миллиметра. Отличный образец оружия для самообороны.

Она приняла кобуру, как-то отрешенно поблагодарила и вновь уставилась в одной ей ведомую точку. А скорее неведомую даже ей. Поэтому и не заметила обеспокоенного взгляда Поликарпа, что-то неразборчиво пробурчавшего себе под нос, словно наседка.

Старший сержант положил себе на колени ППД. Отсоединил диск. Осмотрел. Слегка оттянул затвор, убеждаясь в отсутствии патрона в стволе. Абсолютно бессмысленное дей-

² Имеются в виду казаки.

стве, учитывая спусковой механизм оружия. Его конструкция предусматривает одновременный досыл патрона в ствол и накол капсюля.

Пистолет-пулемет Дегтярева еще не поступил на вооружение в войска. В настоящий момент он только проходил испытания. Ну а где еще обкатывать новое оружие, как не в бою. И кто сегодня чаще других оказывается под огнем, как не пограничники. Вот и прислали полсотни автоматов, как их стали называть пограничники, в их управление в районе озера Хасан. И, как заверял отец, для боя на близких дистанциях оружие просто великолепное.

ППД был спроектирован под маузерский пистолетный патрон, лицензию на производство которого выкупило военное министерство. Наган как личное оружие офицерского става не удовлетворял потребности военных. Поэтому приняли решение о разработке нового пистолета под этот патрон. И сравнительно недавно на вооружение армии стали поступать новые «тульские Токарева». Несколько изменившийся патрон стал именоваться по названию новинки – ТТ, или, в просторечии, тэтэшным. Ну и ППД проектировался, соответственно, под него же.

Наконец закончив возиться с автоматом, Матвеев пристроил его между ног и тяжело вздохнул. Винит себя. А за что? Ведь все время прикрывал подполковника, зная точно, что жена и дочь командира находятся в блиндаже. Но...

Можно найти тысячу оправданий и даже не сомневаться,

что ты тут ни при чем. Вот только человек – самый строгий себе судья. И для вынесения приговора достаточно осознания того, что в твоих силах было предотвратить несчастье. Но в нужное время тебя попросту не оказалось в нужном месте. И вопрос почему останется с тобой если не на всю жизнь, то надолго.

Вскоре вновь началась артподготовка. Пушки японцы не подвезли. Зато атакующий заставу батальон пехоты поддерживают две минометные батареи. Всего лишь восемь стволов калибром восемьдесят и пятьдесят миллиметров. Но они способны развить поистине ураганный огонь, буквально завалив позиции пограничников минами.

Очередной крупный гостинец ухнул неподалеку от блиндажа. По толстым плахам двери забарабанили комья земли. Глухо ударили два или три осколка, впившиеся в доски, но так и не сумевшие преодолеть это препятствие. Вторая мина рванула над самым перекрытием. Но она не могла причинить вред тем, кто находился внутри. Тут не управится и прямое попадание стопятидесятимиллиметрового снаряда. Вот и сейчас лишь посыпался со свода мелкий мусор да слегка затрепетал язычок пламени керосиновой лампы.

В следующее мгновение дверь распахнулась, и вошел подполковник Дробышев. Осмотрел раненых, женщин, детей. Ободряюще кивнул Иноземцевой, жене начальника заставы. Бросил взгляд на ординарца. Перехватив поудобней свой ППД, приблизился к Алине.

– Как ты, дочка? – спросил заботливо.

– Все хорошо, папа, – тихо выдохнула девочка.

– Ты только не раскисай, Алиночка. Сейчас никак нельзя.

– Я понимаю, – все так же тихо ответила она.

Хм. Или и впрямь понимает, или вот-вот впадет в ступор.

Слез нет. Вид потерянный. И это не страх. Это горе утраты. Девочка уже давно и хорошо осознала, что такое смерть. Она видела ее в разных ипостасях. В том числе после артиллерийского обстрела. Однажды на ее глазах солдату оторвало голову. Но сейчас ей впервые довелось потерять родного человека. А это совсем другое.

И самое паршивое, что Дробышев понятия не имеет, как поступить. Посмотрел на Любовь Аркадьевну. Иноземцева только подала знак взглядом, чтобы он оставил девочку. Ей сейчас нужно побыть одной. Может, и права. Хотя он не раз слышал, что в такой ситуации не мешает поплакать. Слезы вымывают боль и дарят облегчение. Алина держала все в себе, перемалывая свою боль всухую. Ладно, женщине виднее.

Еще раз осмотрел блиндаж. Довольно просторное помещение, ставилось загодя, по всем канонам фортификации. Взвод расположится без проблем. Тут сейчас где-то столько и есть. Женщины, дети, раненые. Если так и дальше пойдет, то непонятно, кто вообще будет драться. И ведь все легкораненые остались в строю.

Подполковник прислушался к вдруг наступившей тишине. Кто-то из детей громко чихнул. И звук этот показался на-

столько инородным в данной обстановке, что Алина невольно вздрогнула. Встретилась взглядом с отцом. Тот ей ободряюще подмигнул.

– Все нормально. Сейчас японцы пойдут в атаку, и мы их опять умоем. Помощь уже близко. Мы поддерживаем связь световым кодом. Нужно немного потерпеть, – ободряюще произнес Владимир Олегович.

Потом кивнул ординарцу, указывая на дочь, и вышел на улицу. Окончание минометного обстрела означало одно: противник достаточно близко и минометчики опасаются накрыть своих.

Вскоре снаружи послышалась винтовочная трескотня. Донесся басовитый говор парочки «дегтяревых», выпускающих злые, короткие очереди. А вот залился непрерывной таковой скороговоркой «максим». На заставе их было два, но один накрыли миной еще в самом начале.

Уже через несколько минут дверь отворилась, и в блиндаж протиснулись двое пограничников с носилками. Иноземцева тут же преобразилась, деловито распорядившись, чтобы раненого уложили на стол. Все. Теперь он – ее забота. Как уже говорилось, все женщины на заставах имели за плечами курсы санинструкторов. И, к несчастью, обладали практическим опытом, выходящим далеко за грань обязанностей младшего медперсонала.

– Господин старший сержант, господин подполковник приказал вам выдвигаться с нами на правый фланг, в помощь

подпоручику Некрасову, – обратился к Матвееву один из пограничников.

При этих словах одна из молодых женщин судорожно прижала к себе запеленатого младенца. Н-да. Жизнь продолжается и на войне. А ведь от заставы уже ничего не осталось. Все строения сгорели дотла. Теперь, пока их не восстановят, женщин отправят в отрядное общежитие. Но это ерунда. Главное, что ее муж все еще сражается, а значит, жив.

Матвеев глянул на Алину, ободряюще улыбнулся. Мол, не шали. Еще и пальчиком пригрозил – отсюда ни ногой. После чего скользнул на выход.

Девочка невольно бросила взгляд на тетю Любу. Та на короткое мгновение оставила раненого, извлекла из кобуры свой браунинг, убедилась, что он в порядке. А затем вновь склонилась над страдальцем. Более зрелая ее товарка, жена заместителя начальника заставы, также проверила свой «баярд».

Алина откинулась на бревенчатую стену, осмысливая происходящее. Горе горем, но она всегда отличалась сообразительностью. Смерть для нее – не какая-то диковинка или невидаль. Она рядом с самого ее детства. Папеньку только пару лет как перевели в управление во Владивостоке.

Она просидела еще с минуту. Накал перестрелки снаружи все нарастал. Дверь в очередной раз распахнулась, и вновь появились пограничники с носилками. На этот раз другие. Иноземцева задействовала их, чтобы переложить на нары

уже перевязанного, а его место занял следующий.

Очевидно, положение у них если не безнадежное, то уж точно тяжелое. И коли так, то не следует просто сидеть и ждать, что принесет следующая минута. Нужно готовиться к самому худшему. То есть к тому, что противник, озлобленный потерями и упорным сопротивлением русских, ворвется в окопы. И тогда живые будут завидовать мертвым. Избитая фраза, но по отношению к японцам подходит как нельзя лучше.

Алина пристроила на поясе кобуру с вальтером матери. Извлекла пистолет. Отщелкнув предохранитель, слегка потянула затвор. Порядок. Мама себе не изменяла и всегда держала патрон в стволе. Привычка человека, ежедневно ступающего по краю. Извлекла магазин. Полный. Значит, восемь в магазине и один в стволе.

Потянулась к своему карабину. Работая затвором, проверила его работоспособность. Все десять блестящих латуных патронов выпали на расстеленный платок. Заглянула в ствол, убеждаясь в отсутствии инородных предметов. Отщелкнула магазин и, снарядив его, вернула на место.

Дети от двух лет до двенадцати, забившиеся в самый дальний угол, с завистью наблюдали за ее манипуляциями. Вон какова гостья, у нее даже настоящее оружие есть. И пистолет от мамы достался, который отец не стал забирать. Вся местная детвора в той или иной мере умела пользоваться оружием. Как и ценить его.

Они не все время жили на заставе. Просто в пансионатах сейчас летние каникулы, вот и приехали семьи погостить к мужьям. И тут такое. А их в блиндаж! Вот уж они бы сейчас показали этим клятым самураям! Только поди выстрели из той полноразмерной винтовки. Другое дело винтовка Алины.

Тульские оружейники решили создать легкий, оборотистый и точный карабин для гражданского рынка. И у них получился красавец ТОЗ-34 под патрон ТТ. Достаточно мощный боеприпас, и в то же время стрельба отличается комфортом, отдача практически не ощущается даже при хрупком телосложении Алины, вес которой недотягивает и до сорока килограммов.

Ложе с полупистолетной рукояткой и углублением под большой палец. Затвор, конечно, болтовой, но с гнутой рукояткой, расположенной настолько удобно, что после перезарядки рука естественным образом ложилась на ложе, а палец оказывался на спусковом крючке.

Прицельная планка размечена только на триста метров. Что для гражданского оружия вполне объяснимо. Но на заданную дальность карабин выказывает поразительную точность. Оружейники не просто с особым тщанием выдвигали стволы этих винтовок, но еще и использовали новый шаг нарезов ствола. Благодаря этому на предельной прицельной дальности пули укладывались в круг диаметром пятнадцать сантиметров. Невероятная точность для такого патрона.

Это подарок отца. Он частенько брал Алину с собой на охоту. Изначально Владимир Олегович купил ей малокалиберный карабин того же Тульского завода, который выпускал две модификации: однозарядные и магазинные. Вот как раз пятизарядный он ей и приобрел. Но в прошлом, тридцать четвертом году появилось новое изделие российских оружейников. И девочка тут же загорелась заполучить его.

Дочку Дробышев любил, а потому ему ничего не оставалось, кроме как уступить. Нет, если бы мама воспротивилась... Но она лишь в обычной своей шутливой манере покачала головой. Общество уже отнесло этот карабин к разряду «дамских», что вовсе не делало его менее смертоносным. Но факт остается фактом. Несмотря на популярность, всерьез его, в отличие от того же маузера, не воспринимали. Что довольно странно.

Убедившись в исправности карабина, Алина подошла к оставленному у стены ранцу Матвеева и, без стеснения разложив его на лавке, откинула клапан. Она точно знала, что у Поликарпа всегда есть запас патронов. Жизнь его к этому приучила. Вот и они. Взяв одну пачку, тут же ее вскрыла и снарядила два запасных магазина, хранившиеся в кармашках на прикладе. Оставшиеся прямо в коробке убрала в прорезной карман модной в этом сезоне юбки-брюк.

Когда отправлялись в эту поездку, у нее было три десятка патронов. Просто они успели здесь поохотиться. Алина, между прочим, двумя выстрелами добыла двух же гусей с

дистанции две сотни метров. Еще восемнадцать патронов расстреляла по банкам с Лешкой. Это сын начальника заставы, ему исполнилось двенадцать. Вон он, смотрит на нее с нескрываемым восхищением и завистью.

– Алина, ты куда? – окликнула Измайлова, когда девочка уже взялась за дверную ручку.

– Туда, – кивнув в сторону двери, просто ответила девушка.

Свист пуль, разрывы мин и снарядов – это ей знакомо. Не сказать, что не пугает, но она с подобным сталкивалась, и не раз. А вот сидеть в полной неизвестности попросту невыносимо. Но главное, ее вдруг начала жечь сама мысль о том, что там, снаружи, находятся те, кто убил ее маму. Они могут убить и ее отца. Они могут добраться до нее. А она сидит и просто ждет, что будет дальше.

Анастасия Игоревна может сколько угодно думать, что с ее мужем все в порядке. Но коль скоро отец приказал Матвееву отправляться на правый фланг, где командовал ее супруг, подпоручик Некрасов, то с ним однозначно что-то случилось. А учитывая, что Дробышев отдает команды вместо начальника заставы... Выдержке тети Любы тоже можно только позавидовать.

Возможно, они только ранены и их определили в другой блиндаж, где разместились семьи сержантского состава. Ну и развернули дополнительный лазарет. А не понесли сюда – чтобы не травмировать жен. Возможно. И лучше бы это было

так. Потому что в противном случае...

– А ну немедленно вернись, – потребовала Иноземцева.

– Извини, тетя Люба!

Выпалив это, Алина толкнула дверь и выскочила наружу. Она явственно слышала, что Любовь Аркадьевна попыталась ее преследовать. Вот только догнать легконогую и юркую егозу, да еще и не пренебрегающую своим физическим развитием, – занятие не из простых. А тут еще и очередные пограничники с носилками.

Не имея шанса с ними разминуться ввиду узости прохода и их неповоротливости, девочка подпрыгнула вверх и вправо. Оттолкнулась правой ногой от стенки траншеи, забранной в плетень. Потом левой – от противоположной, и стрелой выметнулась за бруствер. Ее преследовательница окончательно отстала. На подобный финт Иноземцевой ни за что не сподобиться. А вот Ким, кореец-садовник в их доме, был бы доволен своей ученицей. Разумеется, если бы одобрил ее безрассудную выходку.

Едва оказавшись снаружи, Алина тут же ринулась на правый фланг, срезая путь. Направься она по траншеям – и пришлось бы петлять по ходам сообщения и изломам окопов. Да еще потолкаться с ведущими бой пограничниками, переступая через тела павших. А их не могло не быть.

Где сейчас находится отец, она не знала. Вовсе не обязательно на правом фланге. Направив туда Матвеева, сам Дробышев может быть где угодно. Но зато уж его-то ординарец

точно будет именно там, куда его препроводил командир. И он ни за что не отправит ее обратно. Попросту побоится, что с ней что-нибудь случится. Ну и все время следить за ней не сможет, как и лично отвести в безопасный блиндаж. Как раз то, что нужно.

Вдобавок ко всем переживаниям и метаниям Алина, как и любой подросток, у которого шило в одном месте, давно мечтала принять участие в настоящем бою. Встать грудью на защиту России и показать этим коротышкам – ага кто бы говорил! – каково оно, задевать русских.

Конечно, проиграна война, практически уничтожен флот, потерян Порт-Артур. Но все это было давно. С той, прежней армией и в прежней России. Сегодняшняя же им не по зубам.

Даже не имея установок Теслы, империя сумела выстоять в Гражданской войне. А потом еще и выпроводить восвосяи интервентов-союзничков, японцев в том числе. Случились некие территориальные потери. Не без того. Но это ерунда в сравнении с тем, что империя должна была развалиться на отдельные куски и зоны влияния стран – победительниц в Великой войне. И даже побежденных, так как части Украины и Белоруссии отходили под протекторат Германии. Да и возродившаяся Польша претендовала на свой кусок.

Без каких-либо трудностей Алина добежала до излома склона, за которым открывался вид на противника. И тут же услышала посвист сразу нескольких пуль. Сомнительно, чтобы так быстро рассмотрели ее невысокую, щуплую фи-

гурку. К тому же еще и в темном брючном костюме. Скорее это результат интенсивного обстрела позиций пограничников. Пригнувшись еще ниже, она стремглав бросилась к ближайшему брустверу.

– От ты ж йожики курносые! – воскликнул от неожиданности пограничник, резко задирая вверх ствол винтовки. – Откуда вы здесь, барышня?

А и то. Ведет он себе бой, стреляет в нападающих японцев, а тут кто-то скатывается в окоп со спины. Вот и решил, что обошли их. А на поверку видит городскую пигалицу.

– Оттуда, – деловито ткнув пальцем за пределы окопа и отряхиваясь, коротко ответила девчужка.

– А чего это вы тут? – озадаченно спросил парень, судя по всему, первого года службы.

– Душно в блиндаже сидеть, – бросила Алина, смещаясь правее.

Она как раз рассмотрела там бесхозную стрелковую ячейку. Как видно, это была позиция лежавшего в проходе убитого пограничника. Давешний рядовой хотел было что-то предпринять, но махнул рукой на это безобразие. Некогда. Японцы в этот раз подобрались совсем близко. И обороняющимся сейчас важна каждая винтовка. Разумеется, он имел в виду не Алину, а себя. Ну кто станет рассматривать всерьез этого ребенка?

Первая трудность не заставила себя долго ждать. Подкачал рост. Это не выпрыгнуть из окопа, отталкиваясь от сте-

нок. Для стрельбы нужна устойчивая позиция, а она на полторы головы ниже самого низкорослого из пограничников. Девочка замерла в растерянности. Потом спохватилась и, оставив в сторону карабин, выбежала в траншею.

Ага, не ошиблась. Вон она, запасная ячейка, открытая в противоположную от противника сторону. Это на случай обхода с тыла. Но сейчас она используется как пункт боепитания. Там находятся ящики с патронами и гранатами. Как раз то, что нужно. Алина без раздумий бросилась к намеченной цели.

Пустой ящик отыскался сразу. Их тут хватало. А вот притащить его на позицию оказалось непросто. Нет, вес его ей вполне по силам, но габариты для ее комплекции чересчур громоздкие. Однако управилась: занесла в ячейку и бросила под ноги. Хм... Маловато будет. Пришлось ставить его на боковую стенку. Вот теперь порядок.

Позиция получилась не шибко устойчивой, но, по крайней мере, Алина могла наблюдать противника и стрелять по нему. Главное, не забывать об имеющейся проблеме. Остальное – дело ловкости и координации движений. И того и другого у нее в избытке.

Приклад уперся в плечо. Большой палец перевел флажок предохранителя в боевое положение. Указательный лег на спусковой крючок. Взгляд выхватил первого японского солдата. Тот скорее шел, чем бежал, вверх по склону сопки. Метров сто пятьдесят, не больше. Бежит прямо на нее.

Упреждение даже не требуется. Выставила прицел. Посадила мушку точно ему на грудь. Выстрел!

Никаких картинных взмахов руками, как это бывает в кино. Низкорослый солдат в форме цвета хаки просто споткнулся и сунулся головой в траву. Разве что остался лежать недвижимым. А еще... Алина ничего не почувствовала. Ни страха, ни угрызений совести, ни удовлетворения от справедливой мести одному из убийц ее матери. Ощущения как на стрельбище, когда стреляешь по мишеням или банкам. Даже на охоте все происходит иначе, когда осознаешь, что добыл дичь, которую теперь нужно подобрать. А тут вообще ничего. Попала и попала.

В бруствер рядом с ней ударила пуля, взбив фонтанчик земли и сыпанув в глаза. Хорошо хоть Алина успела зажмуриться – обошлось без неприятных ощущений и слез. И никакого страха. Лишь недовольно стряхнула мусор из коротко стриженных волос.

Как ни странно, она сразу же выделила того, кто в нее стрелял. Примерно сотня метров. Видна только голова в кепке с желтой звездой, винтовка с примкнутым тесаком, правая рука, передергивающая затвор, и часть плеча. Возраст не определить, только светлое пятно лица и понимание того, что он торопится сделать следующий выстрел, прикрывая своих товарищей, набегающих сзади.

Девочка прекрасно отдавала себе отчет в том, что свистящие вокруг пули смертельно опасны. Но молодым прису-

ща уверенность, что беда может случиться с кем угодно, но только не с ними. Вот и она никак не могла соотнести реальную угрозу и себя. Достаточно придерживаться определенных правил, и ничего дурного не произойдет. Она же эти правила знает давно и хорошо.

На этот раз пуля с коротким свистом пролетела над головой. Очень может быть, что и совсем близко. Но Алина не обращала на это внимания. Рука уже привычно дернула затвор, загоня в ствол новый патрон. Пальцы ухватили хомутик прицела и перевели на одно деление назад. Планка имеет насечки на каждые пятьдесят метров. Патрон не настолько мощный, как винтовочный, а потому прицел карабина нуждается в более частой коррекции.

Солдат уже изготовился для очередного выстрела, когда Алина посадила на мушку светлое пятно его желтой звездочки. На зрение она никогда не жаловалась. Как и на глазомер. Выстрел! Приклад легонько толкнул ее в плечо. Противник, так и не успев произвести следующий выстрел, уронил голову на свою «арисаку». Вот ни дать ни взять солдат решил вздремнуть.

И снова никаких чувств. Просто удовлетворение от попадания в цель. И мысль о том, что у нее есть еще семьдесят восемь патронов. На пункте боепитания она видела ящик с патронами к ТТ. Правда, невскрытый. Алина трезво оценивала свои физические данные и понимала, что совладать с толстым металлом цинка ей никакой консервный нож не по-

может.

Впрочем, для болтового карабина имеющееся количество боеприпасов – это немало. Она не палит бездумно в белый свет как в копейку, а действует спокойно, хладнокровно и расчетливо. И пусть на следующего японца ей пришлось израсходовать два патрона, все одно это очень хороший результат.

Накаркала. Самураи заметили меткого стрелка. Бог весть, как и почему, но ее выделили и начали обстреливать сразу из нескольких винтовок. Страх она не испытала. И, по-прежнему не веря, что с ней может случиться несчастье, просто поступила, как было написано в тактическом наставлении. Укрылась и поспешила сменить позицию.

Ну, «поспешила» – это не про нее. Она видела пустую ячейку через одну от той, что занимала сама. Но вот так просто ею воспользоваться не получится. Пришлось прихватить из пункта боепитания еще один пустой ящик. На гранаты, лежащие в открытой таре, снайперша даже не посмотрела. Не ей играть с этими тяжелыми игрушками. Она сможет забросить этот гостинец разве что себе под ноги.

А вот и нужная ячейка... Ну и как теперь быть? Ее прежний обитатель находился здесь же. Полулежал в уголке с кроваткой отметиной точно во лбу. Девочка попыталась его хотя бы немного сдвинуть, чтобы хватило места установить боком ящик. Бесполезно. Погибший и без того был крупным парнем, а мертвые отчего-то становятся особенно тяжелыми.

– Алина, ты что тут делаешь?! – послышался удивленный и в то же время строгий голос Матвеева.

Ага. А она о чем. Не иначе как за патронами спешит. Или же обходит позиции. Ведь его же поставили командовать этим участком.

– Позицию меняю, дядя Поликарп. Лучше помоги его отодвинуть. Мне ящик нужно пристроить.

– Что значит «меняю позицию», в перехлест твою в колесо, барышня?!

– Так с барышнями не разговаривают, – устало вздохнув, попеняла девчушка.

– Да я...

– Помоги, дядя Поликарп. Потом будешь ругаться, – оборвала его пигалица.

– Да ты... – Старший сержант даже задохнулся от возмущения.

Потом пробурчал что-то себе под нос. Явно не для девичьих ушей. Первое недоумение уже прошло, а потому ветеран взял себя в руки и не распаялся на всю ивановскую. Ухватив труп за ворот гимнастерки, одним движением сдвинул его подальше. Потом столь же стремительно пристроил ящик. Уловив, что она начала переворачивать его на бок, помог. И с безнадежной тоской посмотрел на дочь своего командира:

– Алиночка, девочка, что же ты со мной делаешь? Мало мне твоей матушки.

– Ты иди, дядя Поликарп. Тебе есть чем заняться. А я аккуратно. В точности как в наставлении написано. Вот видишь, и вторую позицию себе оборудовала.

Старший сержант еще какое-то время метался между долгом перед семейством Дробышевых, перед родиной и перед простыми пограничниками, волей судьбы оказавшимися под его командованием. Наконец в который раз за день тяжело вздохнул и сдался:

– Как в наставлении, Алиночка. Четко и без самостоятельности.

– Как в наставлении, дядя Поликарп.

Девочка отвернулась и одним движением вскочила на ящик, слегка сыгравший под девичьими ножками. Попрыгала несколько раз, придавая своей подставке более устойчивое положение, и, удовлетворившись результатом, навалилась на край ячейки, пристраивая свой карабин...

Глава 2

Стажер

Ну вот. Тягач замер, издав при этом тяжкий вздох, и разом прекратились нескончаемые тряска и грохот. Хорошо хоть шлемофон не только предохранял от ссадин, что в железе вовсе не редкость, но и заметно гасил все звуки.

Григорий повел плечом. Кто сказал, что здесь можно удариться лишь головой? Плечи, локти, колени вместе с голенями. Чем бы ты тут ни приложился, приятного мало в любом случае. Именно по этой причине все эти особенно чувствительные к ударам части прикрыты кожаными накладками, пришитыми к форменному комбинезону.

И угроздило же его попасть на войсковую стажировку именно в этот батальон! Ну вот почему его, отличника и лучшего юнкера на курсе, определили на этих «пауков»? Именно такое неформальное название было у похожих машин «Громобой» и «Сорока». А все оттого, что их корпус возвышался на шести опорах, или ногах. И ведь мало того, что это «пауки», так еще и «Сороки», не имеющие на вооружении даже плохонькой пушки. Только пулеметы.

Впрочем, все эти не высказанные вслух возмущения были пустопорожними. В том суть обучения бронеходчиков. Поначалу осваивались паукообразные машины. Потом – человекоподобные двухместные. И только после этого – новей-

шие одноместные. На каждом этапе обучения происходил отсев юнкеров по способностям. Так что миновать стажировку на этих многоножках нет никакой возможности.

Едва прекратилась тряска, как поручик Миронов поспешил вылезти наружу. Даже на марше экипаж неизменно находился в боевой машине. Обстановка не располагает к расслаблению, а потому нужно быть готовыми к бою в любое мгновение. Бывали случаи, что, помимо атаки на заставы, противник перерезал и пути сообщения. Самураи прощупывали российских пограничников и армию вдумчиво и серьезно.

Бог весть, какие у них при этом были планы, но факт остается фактом. Пускай у Страны восходящего солнца нет столь мощного аргумента, как установка Теслы, с амбициями у нее все в порядке. Как и с союзниками. Германия вовсе не думала обижаться на то, что в Великую войну Япония подвинула ее в Китае. Дело-то житейское. Зато теперь они партнеры с общими интересами в Тихоокеанском регионе.

– Что там? – спросил поручик у выскочившего из кабины старшего механика взвода.

Колонной командует Миронов, это бесспорно. Но он какое-то время был занят внутри машины, а потому не следил за окружающей обстановкой. К тому же сержант – мужик бывалый, с солидным боевым опытом, служит около десяти лет. Такому вполне можно довериться.

– Дальше не проедем, господин поручик. Тягачи не осият

эту распутицу, – указывая на раскисшую дорогу, тянущуюся под практически непроницаемым покровом деревьев, сообщил сержант.

Дожди прошли неделю назад. Но беда в том, что они были довольно обильными, а у деревьев густые кроны. Июнь вообще богат на влагу с небес.

– А если бронеходы сойдут на землю или возьмут тралы на буксир? – предположил Миронов.

– Так до места высадки осталось не больше пяти километров. Мы дольше провозимся, господин поручик.

– Хм. Твоя правда. Спускаем машины, – приказал Миронов.

– Слушаюсь.

Сержант вынул из петель на полевой сумке флажки – белый и красный, отошел немного в сторону, чтобы его видели все водители, и подал знак начать высадку. Тут же захлопали двери кабин тягачей, из которых выскакивали водители. Следом из бронеходов потянулись экипажи.

Это у человекоподобных машин услуга каждой включает в себя трех механиков. Тяжесть технического обслуживания «пауков» ложится на плечи самих бронеходчиков. В отличие от прямоходящих машин, где экипаж состоит строго из офицеров, здесь офицеры занимают должности от командира взвода и выше...

Тягачи имеют различную классификацию и рассчитаны на транспортировку определенного вида бронеходов. К приме-

ру, при всей схожести конструкции и размерений «пауков» «Громобой» и «Сорока» под них используются разные платформы тралов. И обусловлено это тем, что первые вдвое тяжелее вторых, то есть разница в десять тонн. Не шутка.

Но транспортировочный комплекс всех бронеходов имеет общую концепцию. Собственно сам тягач с просторной кабиной, способной вместить как обслугу, так и экипаж боевой машины. Все же в небоевой обстановке предпочтительно перемещаться с комфортом. К тягачу цепляется трал, в передней части которого располагаются емкости с топливом, водой или жидкостью для котлов, боеприпасы, запасные части и инструменты. Ну и непосредственно площадка для бронехода.

В состав каждой роты входит слесарка на базе грузовика. Ясное дело, что она годится только для мелкого ремонта. Но и мелких поломок хватает. В батальонах предусмотрена более солидная механическая мастерская с тягачом и платформой. Там даже токарные станки имеются. Бронеходы – весьма затратное удовольствие, которое может себе позволить далеко не всякое государство.

Не прошло и минуты, как тросы растяжек были сняты, и боевые машины наконец обрели подвижность. Котлы новой конструкции используют жидкое топливо и не нуждаются в длительном прогреве. Горелки запалили с началом высвобождения стального исполина. И пусть на снятие растяжек потребовалось меньше минуты, к моменту оконча-

ния работ уже послышался легкий свист предохранительных клапанов котлов, сбрасывающих избыточное давление.

Механик-водитель получил приказ, и шестилапое бронированное чудовище пришло в движение. Сначала «Сорока» поднялась, оторвав свое брюхо от поверхности вздрогнувшей платформы трала. Потом по очереди ступила на землю тремя лапами правого борта. Опорные плиты выдавили из-под себя грязь, соприкоснулись с более плотным слоем земли и приняли на себя вес машины. Затем по одной отработали три ноги левого борта. Трал, лишившись изрядного веса, приподнялся на рессорах всех четырех осей.

Поручик Миронов наблюдал за происходящим, устроившись в открытом люке своей «Сороки». Бронеход имел на вооружении четыре пулемета. ЕКПБ, Единый крупнокалиберный пулемет Березина, с кожухом воздушного охлаждения. Располагался в передней башне, выступая за главный калибр. Три других, с «максимами» в боковых башнях и в кормовой, – за вспомогательный. Как раз они-то и были основным оружием этой машины. Ее главная задача состояла в поддержке пехоты и прикрытии крупных бронеходов.

Кроме того, на вооружении «Сороки» имелась новейшая разработка российских оружейников. По бортам пристроились два двенадцатиствольных блока восьмидесятидвухмиллиметровых реактивных снарядов с зарядом в семьсот граммов тротила. Не так уж много. Да и оружие не отличается точностью. Но его задача не в уничтожении одиночных це-

лей, а в массивированном накрытии определенной площади. Радиус сплошного поражения – шесть метров. При запуске даже короткой серии на четыре реактивных снаряда с имеющимся разбросом получалось весомо.

Григорий высунулся в люк правой пулеметной башни, за которой и был закреплен. В экипаже все имели свою зону ответственности, но в той или иной мере могли заменить вышедшего товарища. Механик-водитель управлял «пауком». Командир командовал машиной и отвечал за кормовой пулемет. Разумеется, если не имел возможности озадачить этим кого другого. Три пулеметчика в башне главного калибра и по бортам. Кроме того, бойцы у бортов отвечали за изготовку к бою блоков реактивных снарядов. Ну и все обязаны владеть световой и флажковой сигнализацией.

– Как настроение, Азаров? – заметив появление юнкера, обратился поручик.

– Боевое, господин.

– Ясно. Вот что, Григорий Федорович. Я не стану ходить вокруг да около. Знаю, что стажировка на «пауке» вам не по нраву, и уж тем более на «Сороке», лишенной артиллерии. А потому хочу предложить временно перейти в отделение обеспечения. Егор же, – кивок в сторону штатного пулеметчика, который ждал у обочины и чье место занял юнкер, – встанет в своей башне. Даю слово офицера, что для вас никаких последствий не будет, – закончил взводный.

Согласно положению о стажировке юнкеров в бронеход-

ных частях, командир подразделения мог убрать юнкера из числа членов экипажа только в двух случаях. Первый – грубейшие нарушения, незнание матчасти, трусость или преступная халатность. И по каждому случаю производилась служебная проверка. Второй – рапорт о списании от самого юнкера. Азарова ни по одному из негативных пунктов при-тянуть было нельзя. А сам он ни за что не уйдет, что написано на его лице прямо-таки аршинными буквами.

– Мне некогда разбираться с вашим упрямством, господин юнкер. Впереди бой, – поиграв желваками, произнес Миронов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.